

С.И. Кормилов

«Отворите мне темницу...»

<...>

К «тюремной» теме примыкает тема изгнанничества. В зрелой лирике Лермонтова ее непосредственно представляют взаимодействующие стихотворения «Тучи» (1840) и «Прощай, немытая Россия...» (1841), связанные со второй ссылкой поэта и возвращением на Кавказ после проведенного в Петербурге счастливого времени отпуска.

Образы тучки, облака или волны у Лермонтова — устойчивые символы свободы и беспечности, «свойственных полуодушевленному бытию природы», а лирический герой «Туч» несвободен и подавлен: тучки, с которыми он сопоставляет себя, — «вечные странники», но не изгнанники, вопреки первоначальному сравнению; грусть героя — лирическая доминанта стихотворения, окольцованного словами «изгнанники» и «изгнания». Не случайно обращение к тучам нежное — «тучки», а в заглавии стоит мрачное «Тучи». Тучкам «наскучили нивы бесплодные», а для лирического героя это «милый север» со «степью лазурною», здесь содержательное наполнение понятий севера и юга противоположно тому, которое позже будет в стихотворении о сосне, стоящей «на севере диком».

Жанр «Туч» — соединение элегии с романсом, для романса характерно такое мелодическое трехчастное построение: сравнительно ровная интонация первой строфы, подъем на вопросах второй и понижающий интонацию ответ на них в третьей строфе. Мелодичность «Туч» исключительно велика, 4-стопный дактиль здесь, в отличие от «Пленного рыцаря», имеет дактилические окончания, не препятствующие чтению стихотворения как единой последовательности стоп, на одном дыхании, но, с другой стороны, значительная часть строк четко делится на полустушишия, в том числе «параллельные» друг другу — это и прямой параллелизм («Зависть ли тайная? злоба ль открытая?»), и отрицательный («Нет у вас родины, нет вам изгнания»), и прямой с оттенком противопоставления, подчеркнутого внутренней рифмой («Вечно-холодные, вечно-свободные» — автор горячо желает свободы, но она дана только холодным тучам). Такая игра непрерывности и прерывистости речи, сопряженная с разнообразием интонационно-синтаксических конструкций (обращение-восклицание, грустная, но спокойная констатация факта, пять, по сути даже шесть вопросов в одной второй строфе, где «Что же вас гонит» — общий вопрос для следующих пяти; задумчивое замедление речи в стихе, сразу опровергающем все высказанные предположения; наконец, заключительный уверенный, но оттого не более радостный вывод), делает «Тучи» совершенно уникальным по интонации, по переливам оттенков чувства стихотворением. Смысловой перелом в его общей композиции — от сопоставления к противопоставлению — предваряет особенности литературы XX века (в XIX столетии элементы, из которых состоят художественные произведения, обычно более однородны). «Разговор» героя с тучами и задаваемые вопросы, в общем, беспредметны, антропоморфизация более условна, чем в аллегорических стихотворениях о сосне и пальме, утесе и тучке, поскольку введен образ человека и ясно, что тучкам никто не завидует, друзей у них нет и клеветать они, понятно, не могут. Но автор свои вопросы все равно задает, и одно это выражает не только тоску, но и бесконечное одиночество героя-изгнанника. Белинский в предварительной краткой рецензии на «Стихотворения М. Лермонтова» полностью привел это замыкающее сборник стихотворение и вынес восторженную оценку — видимо, всей книжке, но и «Тучам» в частности: «Да! кроме Пушкина, никто еще не начинал у нас такими стихами своего поэтического поприща...»

<...>